

ГЛАВА 1

*Египет, Александрия,
дворец Монтаза, резиденция президента,
15 сентября 1973 года*

Оранжевый диск солнца медленно уходил за горизонт. Прибрежные воды в закатном свете казались мягкими и доброжелательными. Воздух, нагревшись за день, неспешно остывал, наполняя прохладой величественный дворец из белого и красного камня. Здесь, на побережье Средиземного моря, дворец появился не так давно, чуть больше сорока лет назад. Его построил король Фуад в 1932 году в добавление к первому дворцу, служившему охотничьим домиком, планируя использовать в качестве летнего дворца.

Думал ли Фуад, потомок легендарного Мухаммеда Али, что его сын и наследник Фарук станет последним королем Египта? Думал ли он, когда строил дворец, что в 1952 году именно здесь его сын отречется от престола и вынужден будет уйти в изгнание? Предчувствовал ли, что на аркадных балконах дворца будет вечерами

отдыхать тот, кто сыграет не последнюю роль в свержении династии Мухаммеда Али? Скорее всего, нет.

А он, Анвар ас-Садат, сын канцелярского служащего военного госпиталя северной провинции Египта, думал ли, что будет стоять на роскошном балконе дворца Монтаза не как приглашенный гость, а как вершитель судеб египетского народа? О да! Он думал, точнее, всегда знал, что Аллахом ему уготована особая миссия. Еще тогда, когда посещал медресе, он знал, что возвысится над своим народом для того, чтобы избавить его от британского колониального ига.

Он поступил в военную академию в Каире потому, что это открывало возможность пробиться наверх, встать в один ряд с «сильными мира сего». Встреча с Гамалем Абдель Насером в далеком теперь 1938 году определила весь жизненный путь Садата, когда он и другие офицеры, выступающие против британского влияния в Египте, основали тайное сообщество «Свободные офицеры».

Это он в июле 1952 года в составе «Свободных офицеров» свергал последнего короля Фарука. Именно он, Анвар ас-Садат, захватив радиостанцию, зачитал обращение к своему народу, объявив им радостную весть о свержении правительства. И он же лично контролировал высылку Фарука из страны.

Дальше шли различные государственные посты: член правящего Совета революционного командования, государственный министр в кабинете Насера, депутат, а затем и президент Национального собрания. В 1966 году — пост одного из вице-президентов при Гамале Насере, а затем и единственный вице-президент.

И вот теперь, после смерти Гамалая, он пришел туда, куда больше полувека вел его Аллах. Он, Мухаммед Анвар ас-Садат, решением всеобщего референдума стал президентом страны и теперь мог без помех отстаивать интересы своей страны. Панарабизм — долой, социалистические взгляды, которых придерживался Насер, — долой, сторонников бывшего президента во главе с вице-президентом Али Сабри — долой. Да здравствует новая Конституция, приоритет демократических ценностей и неприкосновенность частной собственности! Да здравствует Арабская Республика Египет!

Но и на этом Садат останавливаться не собирался. Его главной болью и главным позором стала потеря Синайского полуострова, а это означало, что его душа не успокоится до тех пор, пока Синай остается в руках израильтян. Данная задача стала приоритетной для нового президента, и над ее решением он трудился не покладая рук.

Сейчас, стоя у стрельчатых окон второго этажа, устремив взор на воды Средиземного моря,

Садат думал о том, как скоро он сможет взять реванш над израильтянами. Его союзник, новый президент Сирии Хафез Асад, пришедший к власти в результате бескровного переворота, так же, как и он, жаждал реванша. К окончательной договоренности они пришли еще летом — и теперь наращивали мощь армий и обсуждали возможные даты начала военных действий.

До знаменательного события оставалось не так много времени, так как оба правителя считали, что все должно случиться именно в этом году, а вопросов экономического и стратегического характера, которые требовали скорейшего решения, все не убавлялось. Каждый день во дворце Монтаза, который Садат выбрал в качестве главной резиденции, проходили встречи, решались вопросы, разрабатывались планы. Для посетителей, вынужденных преодолевать сто двенадцать миль от Каира до Александрии, расположение резиденции было не совсем удобным, но Садата не слишком волновали чужие трудности.

Почему он не обосновался в Каире? Почему выбрал побережье? Скорее всего, потому, что помнил триумф того дня, когда король Фарук, собрав пожитки, бежал из этого дворца. Это событие положило начало головокружительной карьере Садата, и к дворцу Монтаза он относился как к некоему талисману, приносящему удачу. Сейчас, в преддверии новой войны, удача нужна была Садату как никогда.

Открылась дверь. Садат стоял спиной к массивной двери и скорее почувствовал, чем услышал, что уже не один в комнате. Не оборачиваясь, спросил:

— Чего тебе?

— Прибыл господин Мубарак, господин президент, — прозвучало в ответ.

— Пусть войдет, — коротко бросил Садат.

Хосни Мубарак, в недавнем прошлом командующий военно-воздушными силами и заместитель министра обороны Египта, не так давно получил от Садата звание главного маршала авиации. Он, по сути, выполнял обязанности главного советника президента по стратегическим вопросам в предстоящей кампании и обязан был являться во дворец по первому требованию. Несмотря на то что Мубарак входил в число ставленников Гамалы Насера, Садат ему импонировал. По большей части оттого, что видел в нем свое отражение: Хосни, как когда-то сам Садат, вышел из низов, добившись высокого положения трудом и толикой везения.

— Вечер добрый, господин президент, — голос Хосни Мубарака эхом разлетелся по богато убранной комнате.

— Долго ты, — Садат повернулся лицом к вошедшему. — Проблемы?

— Никаких проблем. Назначено на восемнадцать тридцать, — по-военному четко отчитался Мубарак.

— Надо же, я думал, позже, — Садат бросил взгляд на массивные напольные часы. — Пунктуальность — похвальная черта, поэтому перейдем к делу, чтобы не затягивать визит. Что с учениями?

— Действуем согласно плану, господин президент.

— Меня интересуют подробности. — Садат поморщился, настроение и так оставляло желать лучшего, а тут еще приходится выслушивать шаблонные ответы.

— Эскадрильи Ту-16 — план учений выполнен на сто процентов. По истребителям-бомбардировщикам: два учебно-боевых вылета назначены на 26 сентября и 2 октября, — почувствовав недовольство президента, Мубарак подтянулся.

— Сколько у нас бомбардировщиков?

— Двести шестнадцать единиц.

— Приличная сила, — губы Садата тронула улыбка. — Как настроение в войсках?

— Готовы биться до последнего вздоха, — ответил Мубарак и в этом не покривил душой. Настроения в войсках выгодно отличались от тех, что были двадцать лет назад, когда солдаты и офицеры египетской армии готовы были сдаваться при малейшем изменении положения на фронте не в их пользу. Теперь подобных настроений уже не наблюдалось. Новые египетские подразделения славились выучкой, дисциплиной и готовностью стоять до конца. Так

считал не только Мубарак, так считал весь арабский мир.

— Как и положено героям-освободителям, — Садат удовлетворенно кивнул, на такой ответ он и рассчитывал. — Я уверен, на этот раз мы с легкостью разгромим войска противника, они и охнуть не успеют. На нашей стороне силы, вдвое превышающие силы израильтян. Пусть строят сколько угодно заградительных укреплений, мы найдем что им противопоставить. Единственное, что волнует, — это нерешительный союзник, так, Хосни?

— Нерешительный союзник?

— Именно так. Два дня прошло, а со стороны Сирии никакой реакции. Как это понимать? Что думаешь об этом ты?

Прежде чем ответить, Мубарак выдержал паузу. Он прекрасно понял, о чем ведет речь Садат. Два дня назад, 13 сентября, на границе между Ливаном и Сирией произошел воздушный бой. Двенадцать сирийских МиГ-21 были сбиты военно-воздушными силами израильтян, сами же израильтяне вышли из боя практически без потерь. И вот теперь Израиль и его сторонники праздновали победу, а весь мир ждал, чем ответит президент Хафез Асад.

Ждал этого и Садат. С одной стороны, ему хотелось, чтобы Асад, наплевав на осторожность, предпринял ответный удар и поставил на место этих обнаглевших израильтян. Да, у них догово-

ренность, и решающая дата еще не назначена, но он, Анвар Садат, готов поддержать сирийского лидера, пусть даже в ущерб предыдущим планам. Плевать на последствия! Пусть израильтяне захлебнутся собственной кровью, пусть поплатятся за наглость!

Так думал Садат-реакционер, но как политик, как глава народа он не мог приветствовать подобные выходки. Совсем скоро они возьмут реванш, разгромят ненавистных израильтян, и тогда Асад сможет сказать, что его терпение вознаграждено, а жертвы 13 сентября — отмщены.

Осторожный Мубарак с откровениями не торопился. Он уже успел познакомиться с изменчивым настроением президента, поэтому предпочитал оставлять свои взгляды при себе. Так безопаснее.

— В данный момент любая реакция президента Асада может навредить главному плану, — после продолжительной паузы произнес Мубарак.

Нейтральный ответ лишь рассердил Садата: губы его сжались в тонкую полоску, что для Мубарака не предвещало ничего хорошего. «Сейчас начнется», — обреченно подумал он и не ошибся.

— Вот как? Таково твое мнение? Значит, главный маршал авиации сильнейшей в арабском мире армии советует проглотить оскорбление, подставить вторую щеку и позволить всему миру рассуждать о несостоятельности президента.

— Этого я не говорил, — разговор зашел в опасное русло, и Мубарак позволил себе перебить президента, пока того не занесло окончательно. — Прощать подобное нельзя. И, случись подобное на нашей территории, я первым бы выступил за отклонение от плана и начало решительных действий. Но речь идет о сирийском президенте и о выгодах для нас. Нам же его нерешительность сейчас только на пользу.

— Тогда скажи, что думают об этом твои друзья в Москве, — голос Садата сочился язвительностью, пылкая речь Мубарака его не успокоила. — Твой друг товарищ Брежнев принес соболезнования президенту Сирии? Уже послал утешительный подарок в виде новенькой истребительной эскадрильи?

— Об этом мне неизвестно, — Мубарак старался говорить ровно, чтобы не выдать эмоций. — Думаю, Советский Союз постарается в кратчайшие сроки восполнить потерю.

— Считаешь мои действия в отношении СССР неправильными? Думаешь, я зря отказался от помощи Союза и выслал их советников из страны?

— Вы — президент, вам виднее, — Мубарак говорил медленно, подбирая каждое слово. — Во внешней политике я не силен, так что оценивать ваши действия не имею права.

— Ладно, иди, — неожиданно для Мубарака произнес Садат. Ему вдруг наскучил этот разгово-

вор, возникло непреодолимое желание остаться одному. — Завтра можешь не приезжать. Если понадобится, я вызову.

Хосни Мубарак поспешно вышел. Смена настроения нового президента была знакома ему не понаслышке, и он старался не задумываться об этой стороне его характера. Отпустил — и хорошо. Когда Садат завел речь об СССР, Мубарак приготовился в очередной раз отбиваться от нападок президента. Тот факт, что он дважды проходил обучение в Союзе, не давал покоя Садату.

Самого же Мубарака эта часть биографии не смущала. Во время учебы во Фрунзенском военно-авиационном училище он освоил искусство вождения бомбардировщика Ил-18, а позднее овладел искусством вождения тяжелого Ту-16. Благодаря этому он поднялся по карьерной лестнице военного и не на словах, а на деле доказал право считаться летчиком-асом.

Второй раз он попал в СССР в составе египетской военной делегации в 1964 году. Курс штабного обучения он проходил в Москве, в Военной академии имени Фрунзе. Он не скрывал своих симпатий к Советскому Союзу и его правителям. В конце концов, опыт, полученный во время обучения там, позволил ему в 1967 году возглавить Военную академию воздушных сил Египта, перестроить систему изнутри и к настоящему времени дать стране максимальное

количество качественно подготовленных летчиков.

Да, ему не нравилась политика нового президента относительно Советского Союза. Когда Анвар Садат отказался от военной помощи СССР и в спешном порядке выслал из страны всех советских специалистов, Мубарак посчитал этот ход по меньшей мере недалёковидным. Зачем рубить сук, на котором сидишь? Благодаря поставкам из Союза египетская армия стала реальной мощностью. Так зачем отказываться от помощи? Но Садат решил иначе. Он отверг стратегию своего предшественника и взял курс на сближение с США. Мубараку этот шаг казался преждевременным, но мнение свое он предпочитал держать при себе.

Смену настроения Мубарак принял с облегчением. Это означало, что ему не придется в сотый раз доказывать свою лояльность существующей политике президента. И не придется испытывать на себе давление Садата относительно настроений в войсках в контексте последних событий на сирийской границе.

Потери сирийской авиации вызвали брожение в личном составе эскадрилий. Их не посвящали в планы президента, они лишь знали, что реванш не за горами. Но ждать и догонять — самые сложные задачи. Мубараку стоило больших усилий пресечь воинственные настроения во вверенных ему подразделениях. Ему даже при-